

Сердце забилося в бешеном, неуправляемом ритме.

Она была в панике, словно случайно приоткрыла дверь в новый, неведомый мир.

Оказывается... можно и так.

Яо Сянъи и Цю Цинши самозабвенно колотили друг друга, и особенно старалась Яо Сянъи: она приложила все силы, чтобы прижать Цю Цинши к полу, перехватив инициативу. Победа была так близка, нельзя было позволить всему пойти прахом.

Глаза Яо Сянъи, налившиеся кровью от ярости, казалось, вот-вот начнут кровоточить, на шее вздулись вены. Она взревела:

— Пошла вон!

Цинь Чунь, в роли зрителя, поспешно захлопнула дверь.

Прошу прощения, помешала кульминации властной госпожи.

Милые мои, я вернулась! График обновлений восстановлен: каждый вечер между шестью и семью часами.

Жалоба

Глава 18

Эта домашняя потасовка, казалось, незримо определяла семейную иерархию, поэтому Яо Сянъи и Цю Цинши не щадили друг друга.

Цю Цинши во второй раз перевоплотилась в тибетского мастифа, резко подалась вперед и вцепилась зубами в тыльную сторону ладони Яо Сянъи, продемонстрировав поразительную хватку.

У Яо Сянъи от боли заныла кожа головы, крик уже готов был сорваться с губ, но, чтобы сохранить имидж властной госпожи, она сдержалась.

Такой шанс выпадает раз в жизни.

Воспользовавшись тем, что Яо Сянъи отвлеклась, Цю Цинши выхватила скалку. Движение было быстрым, словно вихрь, и — оплошность — она угодила Яо Сянъи прямо по голове.

Раздался глухой стук дерева о череп.

В конце концов, все мы люди из плоти и крови, и от такого удара даже у самой терпеливой Яо Сянъи не хватило сил сдержать стон.

— А!

В этом вскрике было пять частей боли и пять — подавленного гнева. Яо Сянъи привыкла быть

на высоте и дорожила своим лицом, поэтому, едва издав звук, тут же прикусила язык.

Цинь Чунь, подслушивавшая у двери, победно вскинула кулак: Да! Кульминация у нашей пары состоялась!

Невинная крошка Бай Мэнчжао, прижимая к груди портфель, густо покраснела.

Яо Сянъи, у которой от боли выступили слезы, отпустила Цю Цинши и, согнувшись, прижала руку к ушибу. Её бледные щеки налились цветом перезревшей сливы.

Цю Цинши не собиралась причинять ей настоящий вред. Бросив оружие, она сделала шаг вперед, обхватила лицо Яо Сянъи и встревоженно спросила:

— Кровь есть? Дай посмотрю.

Яо Сянъи одарила её испепеляющим взглядом, опустила на диван и язвительно бросила:

— Крокодиловы слезы.

Цю Цинши, у которой только проснулась жалость, тут же спрятала её обратно, даже возникло желание добавить еще один удар.

Не желая больше препираться, Цю Цинши разжала её пальцы, осмотрела рану и тут же ощутила укол совести. Тон её смягчился:

— Хорошо хоть крови нет.

Она приблизилась так близко, что её прохладный, свежий аромат, подобно весеннему ветерку, коснулся уха Яо Сянъи, словно обладая магической силой, гасящей пламя гнева.

Цю Цинши опустила взгляд:

— Но шишка вскочила знатная.

Гнев Яо Сянъи вспыхнул с новой силой.

Лицо её стало хуже некуда.

Цю Цинши опомнилась, вспомнив, что сейчас не время для нежностей, и безжалостно добавила:

— Так тебе и надо!

Она фыркнула, скрестила руки на груди и откинулась на другой конец дивана, приняв изящную позу. Голова высоко поднята, точно у белого лебедя, расправившего крылья.

— Говорю тебе, это еще не конец!

Яо Сянъи, ставшая жертвой обстоятельств, выглядела как проигравший петух.

Она была возмущена: почему в каждой их домашней стычке страдает именно она? Пусть она и злодейка, но у неё тоже есть достоинство!

— Не конец так не конец! — Яо Сянъи нетерпеливо отмахнулась. — Давай хоть раз поговорим

по-человечески.

— Изменщикам не положено говорить по-человечески, — парировала Цю Цинши.

— Это ты изменяешь!

— Вижу, ты не из тех, кто признает вину, пока не увидит гроб.

Яо Сянъи упрямо ответила:

— Даже увидев гроб, я не пророню ни слезы.

Ну посмотрите на неё, до чего же бесстыдной бывает эта властная госпожа, когда ей хочется позлить!

Цю Цинши порадовалась, что подготовилась заранее. Она вытащила из сумки прозрачный пакет, в котором лежала винно-красная прядь волос.

Она ткнула ею прямо в лицо Яо Сянъи:

— Я нашла это на подушке!

При одной мысли об этом Цю Цинши охватило негодование, в груди стало тесно и больно, словно её придавили чем-то тяжелым.

— Ты не только изменяешь, но еще и приводишь эту женщину домой, укладываешь в мою постель, укрываешь моим одеялом!

Она говорила всё более взволнованно, её глаза наполнились слезами, в них смешались гнев и разочарование.

Яо Сянъи, подавленная её мощной аурой обиды, немного отстранилась.

— Скажи, — допытывалась Цю Цинши, — сколько у тебя еще таких женщин на стороне?

Яо Сянъи схватила лежавший рядом телефон и открыла галерею.

Цю Цинши подумала: «Ого, неужели их так много, что приходится листать фото, чтобы пересчитать?»

Она сжала пальцы, прикусила губу, храня молчание.

В глубине её глаз затаилась такая скорбь, словно она ждала приговора от самой смерти. В уме она уже прикинула цифру: не меньше десяти.

В конце концов, Яо Сянъи богата, красива, да и в постели хороша — терпелива, внимательна, мастер на выдумки. Каждый раз после близости Цю Цинши чувствовала себя совершенно потерянной, желая повторить это снова и снова.

Одним словом, это была властная госпожа, вызывающая зависимость.

И тут.

Яо Сянъи вытянула перед ней совместное фото.

Из-за резкости движения телефон едва не ударил Цю Цинши по носу.

Фото было сделано тем вечером в баре: на нем были Яо Сянъи и... рыжеволосая Чи Гуюань.

Цю Цинши: «???»

Цю Цинши: «!!!»

Не веря своим глазам, она забрала телефон, подбежала к окну, двумя пальцами увеличила изображение, уменьшила, подвинула вверх-вниз, влево-вправо, убеждаясь, что следов монтажа нет.

В уголках глаз Яо Сянъи заиграла насмешливая улыбка, она с удовольствием наблюдала, как меняется лицо Цю Цинши.

Приподняв бровь, она поддразнила:

— Ну что?

Цю Цинши из мастифа превратилась в страуса, уткнулась головой в плечи и принялась пинать невидимые камешки.

Яо Сянъи нравилось видеть её в таком положении: какой важной она была минуту назад, такой нелепой стала сейчас.

Настенные часы мерно тикали.

Время текло секунда за секундой.

Наконец, не выдержав смущения, Цю Цинши поджала свои мягкие губы. Этот маленький жест лишил её образа зрелой женщины, придав невинную прелесть.

Это была актерская игра, доступная лишь кинодиве.

Яо Сянъи, всегда сохранявшая спокойствие, на мгновение растерялась.

Цю Цинши, не теряя времени, бросилась в объятия Яо Сянъи, обвила её шею руками, передавая свое тепло.

— Хозяйка...

Многие называли Яо Сянъи так, когда им что-то было нужно, но Цю Цинши делала это по-особенному — только в постели, с нужной интонацией и ритмом.

Каждое её слово пробуждало в Яо Сянъи глубочайшее желание.

Но сейчас... это не сработало.

Яо Сянъи была слишком зла и твердо решила оставаться непреклонной. Она отцепила ручки Цю Цинши, встала и, отстранившись, села в свое кресло.

Цю Цинши, осознав вину, как липучка, последовала за ней, уселась к ней на колени и потерлась щекой о щеку.

— Хозяйка, не злись, это вредно для здоровья.

— Голова еще болит? Давай я подую.

— Откуда я знала, что Чи Гуюань перекрасилась? Я поняла свою ошибку.

Цю Цинши надула свои губки цвета грейпфрута и принялась дуть на лоб Яо Сянъи. Покончив с этим, она взяла её руку, на которой остались следы зубов, и принялась осыпать её поцелуями.

Воздух наполнился мятным ароматом.

Яо Сянъи оставалась непреклонной, её четкая линия подбородка была напряжена:

— Иди уже.

— Не пойду.

Цю Цинши сняла пиджак, оставшись в трикотажной кофточке с V-образным вырезом. Её кожа, белая как снег, и изящные ключицы ярко сверкали в лучах солнца.

— Не смей хулиганить, иначе я прикажу Цинь Чунь выставить тебя за дверь.

Цю Цинши сморщила нос, поправляя Яо Сянъи:

— Это называется женские чары.

— Оденься.

— Нет, я хочу с тобой...

Чтобы Цю Цинши не успела сказать что-то совсем уж непристойное, Яо Сянъи поспешно прервала её и крикнула в сторону двери:

— Цинь Чунь!

Цинь Чунь, опасаясь, что кто-то помешает их «офисным играм», дежурила у двери. Услышав зов, она вздрогнула.

Сглотнув слюну, она с замиранием сердца взялась за ручку двери.

Не решаясь войти, она лишь приоткрыла щелку и заглянула внутрь...

Она увидела, как Цю Цинши сидит на коленях у Яо Сянъи, пытается раздеться, а та, сохраняя невозмутимость, помогает ей одеться обратно.

Цю Цинши снова раздевается.

Яо Сянъи снова одевает.

От этого зрелища у Цинь Чунь закипала кровь.

Цю Цинши, то ли сердясь, то ли кокетничая, колотила кулачками по груди Яо Сянъи.

Ой, как волнительно.

Цинь Чунь выпрямилась, спиной загораживая обзор Бай Мэнчжао.

Вскоре Цю Цинши вышла, поправляя слегка растрепанные волосы, а румянец на её щеках лишь добавлял ей очарования.

— Госпожа, — Цинь Чунь посторонилась, избегая смотреть на неё.

Цю Цинши удивилась её смущению, а заметив Бай Мэнчжао, которая выглядела не лучше — сжалась, покраснев до корней волос, — нахмурилась.

Она до сих пор не вычеркнула девушку из списка соперниц и холодно спросила:

— Пришла искать Яо...

Её черные глаза блеснули, и она поправилась:

— Пришла искать мою малышку?

Малышку?

Цинь Чунь подумала: после всего, что было, у них уже появились ласковые прозвища?!

Бай Мэнчжао помнила, что в полиции Цю Цинши уже называла её так.

Она медленно кивнула и неловко ответила:

— Я хотела найти вас, но услышала, что вас нет в Хайши, поэтому пришла к госпоже Яо, чтобы она передала вам кое-что.

— Передала мне? — спокойно переспросила Цю Цинши.

— Да.

Бай Мэнчжао опустила рюкзак, расстегнула молнию и достала квадратную коробку с логотипом Canon.

— Простите, что в прошлый раз разбила вашу камеру, — она глубоко поклонилась, её хвостик описал в воздухе полукруг. — Это компенсация, пожалуйста, примите.

Цю Цинши застыла.

Эта девчонка оказалась такой... искренней.

Это заставило Цю Цинши почувствовать себя мелочной. Скрыв смущение, она приняла подарок.

Тем временем Яо Сянъи, убедившись, что дверь закрыта, сделала два селфи: одно с огромной шишкой на лбу, другое — со следами зубов на руке.

Закончив, она отправила фото отцу Цю Цинши — Цю Фугую.

Спонсор Яо: [Папа, Цинши меня побила, плачу!]

Спонсор Яо: [[Не волнуйтесь, через месяц я приду в себя.jpg]]

Наверху высветилось «Печатает...»

Цю Фугуй: [[В шоке.jpg]]

Цю Фугуй: [[В ярости!]]

Затем пришло голосовое сообщение:

— Она совсем страх потеряла! Мало того что не раскаивается, так еще и продолжает! Яо, ты натерпелась, не плачь, я с неё шкуру спущу!

Цель достигнута, Яо Сянъи поблагодарила его.

[Лоли-невинность напоминает: Уровень сладости +1]

Яо Сянъи: ???

Она подошла к двери и открыла её, удивившись появлению Бай Мэнчжао.

А Бай Мэнчжао и Цинь Чунь в свою очередь были в шоке от её травм.

Мамочки.

Игры зашли слишком далеко, раз она пострадала!

Отношения развиваются уже несколько дней, в следующих главах мы перейдем к основному сюжету.

Извинение

Глава 19

Яо Сянъи заметила их взгляды, неловко коснулась шишки и бросила на Цю Цинши полный обиды взгляд.

В глазах Цинь Чунь и Бай Мэнчжао это выглядело невероятно нежно.

Цинь Чунь неловко кашлянула.

Бай Мэнчжао, теребя край кофты, вспомнила недавнюю сцену на рабочем столе.

— Госпожа Цю, госпожа Яо, — пробормотала она, — у меня еще занятия, я пойду.

Цю Цинши мечтала, чтобы она поскорее ушла, но внешне оставалась вежливой, добавив в свой холодный голос капельку тепла:

— Я приняла подарок, не бери в голову, что было, то прошло.

Она попросила Цинь Чунь дать ручку и листок, написала номер телефона и протянула Бай

Мэнчжао.

— Это мой номер. В следующий раз, если понадобится мне, не нужно беспокоить госпожу Яо.

Глаза Бай Мэнчжао ярко вспыхнули. Она затаила дыхание, словно боясь, что это сон.

Она смотрела то на Цю Цинши, то на дрожащую бумажку в своих пальцах.

Телефон самой титулованной актрисы...

Человек из учебников дал ей свой номер...

А-а-а-а! — кричала она внутри.

— Спасибо, госпожа Цю!

Её благодарность прозвучала так страстно, словно она читала стихи.

Цю Цинши невозмутимо ответила:

— Не за что.

Пресечь контакты любой соперницы с Яо Сянъи — долг жены.

Цю Цинши расслабилась и многозначительно взглянула на Яо Сянъи.

[Лоли-невинность напоминает: Взаимодействие двух главных героинь, уровень сладости +1. Еще три балла до десяти, и вы получите спойлер.]

Яо Сянъи тут же оживилась, в её глазах мелькнула хитринка, а голос стал невероятно мягким, словно она уговаривала ребенка:

— Бай, как раз Цинши тоже уходит, садись к ней в машину, она подбросит тебя до университета.

Цю Цинши нахмурилась:

— Нам не по пути.

Яо Сянъи: «.....»

Бай Мэнчжао, побоявшись смущать их, поспешно ответила:

— До университета недалеко, не стоит беспокоить госпожу Цю.

Она помахала им на прощание и, накинув рюкзак, побежала прочь.

Сегодня был приятный день, она была в белой толстовке, голубых джинсах и красных кедах. Несмотря на то что она уже немного прикоснулась к шоу-бизнесу, в ней сохранилась чистота студентки.

Словно глоток лимонного мороженого в жаркий день.

Яо Сянъи смотрела ей вслед, сетуя, как такой талант упустили другие агентства.

Цю Цинши, почувствовав укол ревности, язвительно спросила:

— Что, жалко?

Яо Сянъи решила довести её до конца:

— Да, жалко.

Цю Цинши сделала вид, что её глубоко обидели, поджала губки и упрямо заявила:

— Я злюсь.

Яо Сянъи пожала плечами и, не обращая внимания, пошла обратно в офис.

Цю Цинши поспешно ухватила за край её одежды, опустив уголки губ:

— Утешь меня.

Цинь Чунь, понимая, что она лишняя, последовала за Бай Мэнчжао: «Я провожу госпожу Бай».

В залитом светом коридоре остались только они двое.

Одиночество всегда добавляет двусмысленности.

Цю Цинши хотела усилить эффект, раскинула руки, как котенок, просящий ласки:

— Обними.

Снежная королева редко показывала слабость, и в сердце Яо Сянъи пробежала мягкая волна.

Цю Цинши пошла в наступление:

— Или поцелуй.

Выбирая из двух зол, Яо Сянъи выбрала объятия.

Обняла лишь на секунду и отстранилась. Тепло не успело даже передаться Цю Цинши.

— Жадина, неужели нельзя подольше?

Яо Сянъи:

— Нельзя.

Отказ был резким, точь-в-точь как отказ Цю Цинши подвезти Бай Мэнчжао.

Цю Цинши: «.....»

Сердце у этой властной госпожи размером с игольное ушко.

Видя, что та непреклонна, Цю Цинши решила больше не использовать чары, но, заметив шишку на её голове, снова смутилась. Она поправила её воротник и прошептала мягким, как ночной ветер, голосом:

— Не ходи вечером на банкет, возвращайся пораньше, я приготовлю что-нибудь вкусное.

Сказав это, она украдкой чмокнула Яо Сянъи в щеку.

В конце концов, они супруги. Яо Сянъи закрыла глаза и кивнула в знак согласия, даже проводив её до самой парковки.

Когда они вернулись домой, близился закат, золотистое солнце опускалось за горизонт. Красиво и спокойно.

Цю Цинши выпроводила тетюшку Ми из кухни:

— Ужин я приготовлю сама.

Тетюшка Ми, как и ожидалось, сходила в супермаркет, и пакеты с продуктами стояли у входа.

Тетюшка Ми улыбнулась:

— Хорошо, готовь, а я разложу овощи и фрукты по холодильнику.

Цю Цинши радостно улыбнулась, собрала волосы в хвост, надела фартук и принялась за дело. Движения её были неспешными и уверенными.

.

Путь к сердцу человека лежит через желудок.

Хотя Яо Сянъи всё ещё была недовольна тем, что Цю Цинши «смотрела на сторону», кулинарный талант той был бесспорен.

Пусть Цю Фугуй и был предпринимателем из бедной семьи, его жена — мать Цю Цинши — была самой популярной певицей восьмидесятых, «королевой сладких песен».

С тех пор как Цю Цинши научилась ходить, она посещала курсы для леди: от международного этикета до цветоводства и верховой езды.

Кулинария была её коньком.

Если бы родители Яо Сянъи не ценили это, они бы не настаивали на их браке сразу после окончания университета.

Яо Сянъи вынуждена была признать: Цю Цинши накрепко привязала её к себе через желудок.

Стоило войти в дом, как в нос ударил аромат блюд хуэйской кухни.

Курица с золотыми и серебряными копытами, грибы на пару, жареный тофу... и коронное блюдо Цю Цинши — тушеный голубь по-хуаншаньски.

Тетюшка Ми вынесла суп и улыбнулась:

— Иди мой руки, всё, что ты любишь. Цю Цинши готовила для тебя весь вечер.

После ужина Яо Сянъи, довольная, развалилась на пуфике у кровати. Цю Цинши принесла чайник с Дахунпао и услужливо налила ей чашку.

— Ужин был жирноват, освежись.

Яо Сянъи выпила чашку, чувствуя приятное расслабление, и поблагодарила Цю Цинши.

Цю Цинши поставила чашку на край кровати, обняла её за плечо и заворковала:

— Больше не злишься?

Яо Сянъи пропустила вопрос мимо ушей, глядя телевизор. Она уже досмотрела «Посмотри на метеоритный дождь» и теперь смотрела продолжение.

Мужун Юньхай потерял память и влюбился во вторую героиню.

Та тоже любила его и даже лишилась ног из-за него.

<http://bllate.org/book/21445/2191665>